

✎ ФРЕНСИС ✎ АЙЛЗ

Френсис Айлз — псевдоним писателя
Энтони Беркли (1893—1971), одного
из королей английского детектива XX века,
основателя прославленного Детективного
клуба, многое сделавшего для развития жанра.

Самыми знаменитыми работами Беркли
стали легендарные сериалы о приключениях
циничного писателя Роджера Шерингэма
и его «коллег» — блестящих, остроумных
детективов-любителей...

Не меньшую известность ему принесли
романы, написанные под псевдонимом
Френсис Айлз. Так, «Замужем за смертью»
считается одним из ключевых произведений
в истории детективной прозы и именно
по нему Альфред Хичкок снял свой
знаменитый фильм «Подозрение».

✎ FRANCIS ✎

ILES

.....

MALICE
AFORETHOUGHT

.....

☞ ФРЕНСИС ☞
АЙЛЗ

.....

УМЫШЛЕННАЯ
ЗЛОБА

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
А36

Серия «Золотой век английского детектива»

Francis Iles (Anthony Berkeley)
MALICE AFORETHOUGHT

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Серийное оформление *В.Е. Половцева*

Компьютерный дизайн *К.С. Парсаданяна*

Печатается с разрешения The Society of Authors
и литературных агентств Campbell Thompson &
McLaughlin Ltd и The Marsh Agency Ltd.

Айлз, Френсис.

А36 Умышленная злоба : [роман] / Френсис
Айлз ; [пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — Зо-
лотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-094343-2

Маленький, уютный провинциальный городок, где
в каждом шкафу хранится по скелету.

Здесь знают друг о друге все — а то, чего не знают,
с успехом заменяют домыслами и сплетнями. Здесь мо-
жет случиться многое.

Но... убийство?

Казалось бы, морфинистке со стажем миссис
Бикли сама судьба уготовила смерть от передози-
ровки. Однако ее супруг, местный врач, имел и мо-
тив, и возможность избавиться от надоевшей свар-
ливой жены. Но против него нет ни единой улики.
А убийства продолжают...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-094343-2

© Francis Iles, 1931
© Перевод. И.Л. Моничев, 2011
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Предисловие

Многие справедливо считают, что все было совершенно иначе в «золотой век» детектива, когда в жанре царила неподражаемая Агата Кристи. Ничего не скажешь, тогда читатель действительно мог быть уверен, что в густо и сочно замешанном на загадках сюжете он окажется слеп с первых же страниц. Но в том-то и состояло удовольствие — с первых страниц предвкушать, какой потрясающий сюрприз и прозрение ожидают в последней главе (на последней странице, в последнем абзаце, в последней строке) книги. Агата Кристи была величайшим мастером таких игр в жмурки и мистификаций. Читатели обожали ее тогда и любят до сих пор, как, например, я сам.

А теперь давайте задумаемся: все ли истинно в тех утверждениях, которые вами только что прочитаны, и ответим на вопрос: к какому именно периоду следует отнести «золотой век» детектива? С 1920-го по 1945 год, скажете вы. Но если это действительно так, то как раз в самый разгар этого бесценного периода детективной литературы ее любители уже успели ознакомиться с замечательными произведениями писателя, который перечеркнул фундаментальные законы жанра и придал ему значительно большие, чем прежде, психологизм и глубину анализа. Этим автором был Энтони Беркли Кокс (1893—1971), написавший множество детективных романов под не-

Роман «Умышленная злоба» был опубликован в 1931 году, «Замужем за смертью» — в 1932-м. И это был истинный переворот в криминальной беллетристике! Никакого ореола таинственности вообще, потому что в каждой из книг личность (да-да, подлинная личность) преступника становится нам известна без всяких со стороны автора хитростей, уловок и попыток ее замаскировать. И главное — где? На последней странице? Нет. Наоборот, на самой первой. Нашему современнику не понять, какой шок при подобном открытии испытывали поначалу читатели того времени. Некоторые из них были попросту оскорблены подобным началом книг и, разочарованные, возвращали их в магазины с сердитыми замечаниями, что роман, вероятно, неправильно сброшюровали в типографии, сделав его совершенно непригодным для чтения.

Уже в первом предложении «Умышленной злобы» говорится о том, что доктор Биклей принял решение убить свою жену. В самом начале второго из упомянутых детективов Лина Айсгарт после восьми лет замужества узнает, что все эти годы делила постель с убийцей. Это, безусловно, чрезмерно удивляло и расстраивало любителей классической модели «кто это сделал?», для которых главным был сюрприз в финале, когда со злодея наконец срывалась маска (это почти никогда не был пресловутый дворецкий, но неизменно — один из тех персонажей, кого читатель и не думал подозревать). Правда, некоторым умникам удавалось угадать, кто преступник, едва перевалив за середину книги; они подвергали автора такого детектива персональному ostracismu и клялись никогда больше не читать произведений человека, столь вопиюще не справившегося со своей основной задачей. Зато, взяв в руки роман Френсиса Айлза,

более вдумчивый читатель никогда не испытывал подобных разочарований, потому что автор, назвав имя убийцы, мгновенно возбуждал их интерес загадками совершенно иного рода. Каковы мотивы, толкающие на преступление? Какой способ совершения преступления изберет убийца? Будет ли задуманное злодеяние успешно доведено до конца? Поймают ли преступника? Как и кто его изобличит? Свершится ли над убийцей справедливое правосудие? И в чем суть этого самого «справедливого правосудия»?

В большинстве своем места действия книг Айлза нам хорошо знакомы: тихие провинциальные городки с их извечными местными пересудами и приглашениями соседей поиграть в теннис. Но очень скоро мы начинаем распознавать в этом мирном с виду окружении признаки совершенно иной истории, изобилующей неожиданными поворотами и происшествиями, которые удерживают наше внимание не менее властно, чем любой построенный по классической схеме детектив. И это тем более приятная неожиданность, что на события мы смотрим совершенно с иной точки зрения. Мы больше не следим за ходом рассуждений следователя, собирающего и просеивающего улики. Вместо этого нас помещают в самую гущу криминального действия. В «Умышленной злобе» мы проникаем в мысли убийцы, в романе «Замужем за смертью» — в мысли жертвы преступления. Мы узнаем гораздо больше о том, что произошло «до», чем «после». Нам показывают само преступление, а не рассказывают о том, как оно потом расследуется. В результате на наших глазах обычный детектив превращается в криминальный роман, где основной акцент целенаправленно и окончательно переносится с сюжета на психологические нюансы личности.

8 Хотя творчество Френсиса Айлза было в высокой степени оценено и даже признано его влияние на последователей, критика уделила сравнительно мало внимания его литературному мастерству. А ведь он, с моей точки зрения, очень качественно писал по-английски. При этом никаких особых изысков, ни малейшей претензии на создание великой прозы. Его стиль — короткие и неброские фразы, которые так легко читать, отменно выверенный ритм повествования, слегка, а иной раз и не столь уж слегка ироничная манера рассказчика. И ни одного привычного штампа в его порой острых характеристиках действующих лиц, даже второстепенных.

А самое главное, что в историях Френсиса Айлза, в значительной степени ориентированных на психологию, обязательно есть место неожиданным поворотам, а также наступающей в последний момент неожиданной развязке. Вперед, читатель! Осталось лишь убедиться в этом.

*Колин Декстер**

* Автор знаменитых романов об инспекторе Морсе. —
Здесь и далее примеч. пер.

Посвящается Маргарет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

Только через несколько недель после того, как он принял решение убить жену, доктор Биклей сделал первые практические шаги к осуществлению своего намерения. Убийство — дело серьезное. Один неверный шаг, и все закончится катастрофой. А доктор Биклей ничем рисковать не собирался.

Понятное дело, что к своему решению он пришел не с бухты-барахты. Оно вызревало в нем постепенно и, можно сказать, стало плодом долгих и томительных раздумий. И если всякий замысел, пусть самый неопределенный и подспудный, должен иметь некую отправную точку, то в случае доктора Биклея такую можно было бы отыскать в жарком субботнем дне в конце июня во время одной из встреч соседей для игры в теннис.

Хозяевами в тот раз были сами Биклеи. И ожидалось присутствие даже не половины Уивернз-Кросса, а всего Уивернз-Кросса, если иметь в виду людей, имеющих хоть какое-то положение в местном обществе. Заскочив домой перекусить без чего-то два после долгих и утомительных утренних визитов к пациентам, доктор Биклей, уже достаточно уставший, застал Фэйрлоун в состоянии полнейшего беспорядка, а свою супругу нетерпеливо дожидавшейся, когда наконец закончат уборку в столовой.

— Ну как же так, Эдмунд? — приветствовала она его полным упрека взглядом сквозь толстые стекла пенсне. — Я вправе была рассчитывать, что у тебя

хватит ума вернуться в такой день немного пораньше. Как может Флоренс справиться с приготовлением сэндвичей, если ты заставляешь ее ждать, чтобы она смогла помыть за тобой посуду?

Когда муж запаздывал, у миссис Биклей вошло в привычку неизменно принимать пищу в одиночестве, в точно отведенное для этого время.

— Извини, Джулия. Я подумал, что мне лучше будет завершить всю намеченную на утро работу, чтобы освободить себе вторую половину дня.

— О, разумеется! — Миссис Биклей ухитрилась в одной фразе соединить две вещи вроде бы несовместные — намек на то, что муж слишком занят на работе, и жалобу, что он злонамеренно бездельничал все это время где-то на стороне.

Доктор Биклей был слишком утомлен для дальнейших оправданий, да и прекрасно знал, насколько они бесполезны. Он налил себе бокал пива из стоявшей рядом с тарелкой бутылки и с тоской посмотрел на остатки холодной бараньей ноги. Коленный сустав отсутствовал, а это была его любимая часть баранины. Увы, Джулии коленный сустав нравился тоже. Он отрезал себе кусок баранины и без малейшего аппетита принялся за еду.

Джулия стояла над душой, как тюремный надзиратель. И стоило ему протянуть руку, чтобы налить себе еще немного пива, как она тут же встряла:

— Эдмунд, нет! Одного бокала в такой день, как сегодня, вполне достаточно.

— Чем жарче денек, тем полезнее жидкость, докторуша, — весело вставил словцо доктор без особой надежды быть понятым.

Джулия, которая не одобряла фривольностей, как не одобряла почти всего остального, только нахмурилась в ответ.

— У тебя слишком много дел, чтобы сидеть здесь и прохлаждаться за пивом. И потом, разве ты забыл,

как ты потеешь от него? Будешь еще мясо? **13**
Если нет, тогда звони немедленно.

Доктор Биклей поднялся из-за стола. Он даже не попытался возразить, что Джулия могла бы избавить его от этой необходимости. Джулия считала проявлением плебейских манер вызывать прислугу самой, если в комнате был мужчина, а плебейские манеры для нее были тем же, что лекарства фабричного производства для самого доктора, — чем-то совершенно недопустимым.

Миссис Биклей была на восемь лет старше мужа: ей сорок пять, ему — тридцать семь. Она к тому же превосходила его ростом на добрых пять сантиметров, поскольку доктор Биклей был необычайно миниатюрным мужчиной. Женщина сухопарая, прямая, как доска, с вьющимися темными волосами и тонкогубым ртом, уголки которого почти всегда были опущены, она выглядела угрюмой и малопривлекательной. Поверх своих бледно-голубых глаз она носила пенсне, а не «эти вульгарные» очки в роговой оправе. Они поженились десять лет назад, но детей так и не завели.

После того как Флоренс подала остатки холодного пирога с крыжовником и снова удалилась, Джулия принялась инструктировать супруга:

— Первым делом займись теннисной сеткой, а то она провисает в первые же полчаса. Новые мячи в комод под лестницей. Мы, конечно, пустим в дело и их, но старые тоже сгодятся, если ты хорошенько потрешь их о половик в прихожей. Потом нужно будет вытащить наружу два стола и стулья. Думаю, не лишним будет установить пляжный тент при таком-то ярком солнце. Затем ты должен...

— Боюсь, что не смогу со всем этим управиться, — мягко перебил ее доктор. — Я еще...

— Но все это необходимо сделать, мой дорогой Эдмунд.

14 — Понимаю, но я еще не завершил обход сегодняшних пациентов. На это просто не хватило времени. У меня остались два запланированных визита.

— К кому? — снова насупилась Джулия.

— К миссис Пэррот и к сыну Холнов.

— Там ничего срочного.

— Это не срочно, согласен, но случаи весьма серьезные.

— Не настолько, как все, о чем я тебе говорила, — подвела черту Джулия. — Они вполне могут подождать. Сходишь к ним, когда гости разойдутся.

— Но после гостей у меня хирургический прием.

— Значит, подождут, пока ты закончишь с хирургией, — хладнокровно возразила Джулия, ничуть не смущаясь тем, что мужу придется в таком случае остаться без ужина. — Ты поел? Нет! Никакого сыра! Времени в обрез. Поторопись, пожалуйста, Эдмунд.

«Что ж, — подумал доктор Биклей, — по крайней мере сегодня у нас можно будет попить хорошего чаю».

— Остается только радоваться, что мы не приглашаем гостей на теннис каждый день, — вполне жизнерадостно заметил он, промокнул кончики своих аккуратных усиков салфеткой и отодвинул стул от стола.

Довольный даже таким скромным ленчем, он нацепил шляпу и вышел в сад.

Стойки для теннисной сетки у них были давно устаревшего образца, а уж с рукояткой, которая ее натягивала, приходилось просто-таки мучиться. Уже несколько лет подряд Джулия постоянно твердила, что нужно купить новое оборудование, но у них как-то никогда не оказывалось лишних денег, чтобы транжирить их на столь излишнюю роскошь. Да и в любом случае ей самой не приходилось натягивать сетку, и она не считала этот вопрос мало-маль-

ски важным. А вот доктору, чтобы верхняя кромка поднялась на нужную высоту, приходилось делать два последних оборота ручки, наваливаясь на нее всеми своими худосочными пятьюдесятью четырьмя килограммами. Совершив в очередной раз сей подвиг, он отступил в сторону и вытер со лба пот. Его спортивная форма оставляла желать много лучшего, и теннисная сетка потребовала от него мобилизации всех силенок. Затем, как это вошло у него в привычку после любого чрезмерного усилия, он аккуратно ощупал кончики своих наfabренных усов.

Гостей пригласили к половине четвертого, а сейчас уже было без четверти три. Бросив виноватый взгляд на часы, доктор Биклей устремился к небольшому возвышению, тянувшемуся вдоль теннисного корта с ближней к дому стороны, на ходу закатывая рукава темно-желтой рубашки из чистого хлопка (к которой имелись два подходящих по тону сменных воротничка). Его тщательно отглаженный синий пиджак уже висел на одной из стоек для сетки. На работу доктор неизменно надевал синий саржевый костюм. Он всегда считал, что сельские эскулапы, навещая своих больных в старых твидовых пиджаках и мешковатых фланелевых брюках, унижали достоинство профессии. Даже натягивая сетку и таская стулья, доктор Биклей не расставался с новенькой серой фетровой шляпой с загнутыми вверх полями и лентой по окружности — авторы рекламных текстов не находили для описания таких головных уборов другого эпитета, нежели «изящный».

Вынося из дома и расставляя шезлонги, он пытался наилучшим образом спланировать выполнение остальных поставленных перед ним задач. Следующим по очереди должен быть непременно пляжный навес, поскольку солнце жарило невыносимо, а хороший цвет лица считался вещью не-